

Научная статья

УДК 81'42:81'27

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10925

ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ СЕМАНТИКИ СЧАСТЬЯ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Александр Михайлович Погорелко¹, Татьяна Николаевна Герасина²

¹ Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, Pogorelkoam@rambler.ru

² Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия, magnolia-avenue@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению прагматических смыслов концепта счастья в американском предвыборном президентском дискурсе. Анализ примеров президентских выступлений показывает, что семантика слова «happy» обладает подвижными смысловыми характеристиками, способными эффективно выполнять функции актуальной политической коммуникации. Функционал английского «happy» в политическом дискурсе, кроме того, демонстрирует семантические свойства, выходящие за рамки стереотипно закрепленного словарями обиходно-ситуативного значения.

Ключевые слова: культуроспецифичная лексика, политический дискурс, политическая прагматика

Для цитирования: Погорелко А. М., Герасина Т. Н. Прагматическое отражение семантики счастья в американском политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 197—205. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10925.

Original article

PRAGMATIC REFLECTION OF SEMANTICS OF HAPPINESS IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

Alexander M. Pogorelko¹, Tatiana N. Gerasina²

¹ Bashkir State University, Ufa, Russia, Pogorelkoam@rambler.ru

² Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia, magnolia-avenue@rambler.ru

Abstract. The article deals with the study of pragmatic meanings of the concept of happiness in American presidential discourse. The analysis displays that the word “happy” obtains dynamic semantic characteristics that can effectively facilitate political communication. The functional capacity of the English concept of happiness in its political usage demonstrates semantic properties which are not limited to traditional dictionary stereotypes associated with basically everyday and situational meanings.

Keywords: culturally specific lexis, political discourse, political pragmatics

For citation: Pogorelko AM, Gerasina TN. Pragmatic reflection of semantics of happiness in American political discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467):197-205. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10925.

Введение

В современных кросскультурных исследованиях анализ культуроспецифичной лексики играет особую роль. Во-первых, прослеживание функционирования этой лексики в актуальных текстах дает возможность уточнить и проверить выводы, закрепленные за уже описанной семантикой лексических единиц, получивших статус специфичных элементов языковой картины мира.

© Погорелко А. М., Герасина Т. Н., 2022

Во-вторых, тот же текстовый функционал может послужить интересным диагностическим инструментом, отражающим концептуальные позиции адресанта и особенности восприятия его аудитории. Для решения обеих задач удобным объектом анализа выступает политический дискурс.

Политический дискурс исключительно сильно нагружен в своих функциональных характеристиках. Требования, предъявляемые к политическому слову и многочисленны, и противоречивы.

Политическое сообщение должно совместить в себе очень многое — убедительность и убежденность, информативность и краткость, экспрессию и строгость, простоту и герменевтичность. Почти каждая характеристика в свою очередь непросто складывается на составляющие, между которыми также приходится выдерживать баланс. Баланс между убеждением через рациональность и через воздействие на чувства, информативность приведения фактов и мотивировки через объяснения, необходимость сделать сообщение легким для массового понимания и потребность передать скрытое содержание, которое будет воспринято аудиторией, имеющей запрос на элитарность и приобщенность к эксклюзивной информации. Исследователи политического дискурса выделяют разнородный набор функций, необходимых языковым единицам для построения из них действенной конструкции политического текста: когнитивная функция, коммуникативная, прагматическая, эстетическая, изобразительная, экспрессивная [9. С. 28].

Едва ли какой-либо еще тип дискурса оказывается подвержен настолько большой оценочной нагрузке со стороны восприятия адресата. Совершенно очевидно талант политика не может не сочетаться с искусством владения словом. Особенно это умение важно на этапе борьбы за власть, когда зачастую, за неизвестностью кандидата, слово становится единственным доступным ему политическим действием.

Надо отметить, что в современном дискурсе ответственность политика за неудачно подобранные слова стала значительно сильнее, чем раньше. В прошлом источники информации, не настолько многочисленные и глобальные, вполне позволяли словам стираться из забывчивой коллективной памяти, а монополия на СМИ давала возможность подкорректировать и затенить сказанное. Цифровая современность с ее огромным ресурсом объема, скорости и доступности информации становится безжалостным контролером политического дискурса. Все сказанное, независимо от срока давности, фиксируется в памяти электронных СМИ и при необходимости с легкостью воспроизводится и распространяется, становясь угрозой политической репутации и серьезным оружием в руках политических противников. Выбор политических слов при незакрытом для массовой аудитории доступе к электронным средствам информации, становится вопросом уже не только политической актуальности, но и оглядкой на будущее, в котором то, что приемлемо сейчас, может превратиться в препятствие для смены собственной позиции и

в обвинительный вердикт со стороны противников и разочарованного электората.

Исследователи отмечают, что современные СМИ становятся жестче и агрессивнее в резких характеристиках и политики в целом, и политических деятелей в частности: «как британские, так и американские СМИ, являясь одним из каналов влияния на формирование общественного мнения, занимают предельно жесткую позицию, не скупясь на контекстуальные маркеры с отрицательной оценкой» [4. С. 134]. Положение осложняется тем, что политик, попавший в немилость СМИ, становится мишенью нового современного оружия, в виде нарратива постправды. Это явление проявило себя уже настолько значимым, что его изучение стало важной исследовательской областью политической лингвистики: «можно обоснованно констатировать факт возникновения нового направления в области политической лингвистики в форме лингвистики постправды. В её рамках исследуются разные виды реализации постправды: информационные искажения, откровенная ложь, слухи, домыслы, сплетни, разные формы непроверенной информации, неавторизованные (анонимные) сообщения [8. С. 308].

Среди культуроспецифичных концептов одним из наиболее политически значимых является понятие счастья. Коллективное счастье является главной итоговой целью любой государственной политики. Для его достижения власть должна представлять сама и уметь убедительно предлагать народу образ счастливого будущего, на вере в которое, по большому счету, и будет держаться как поддержка власти, так и согласие людей на почти неизбежные издержки любой проводимой политики. Изучение восприятия счастья осложнено тем, что счастье представляет собой одну из самых сложноопределимых культурных категорий. Понятие счастья прочно закрепилось в числе традиционно глубоких и традиционно противоречивых философских вопросов. История осмысления человеческого счастья восходит как минимум к Аристотелю. На дальнейшем пути развития философской мысли ту или иную интерпретацию понятия счастья можно обнаружить почти у каждого теоретика, вошедшего в учебники философии.

Тем удивительнее выглядит то обстоятельство, что науки об обществе, в частности политология и социология к теме счастья обращаются весьма сдержанно. Как отмечает популярный современный историк Юваль Ной Харари, специально историей счастья ни в исторической науке, ни в политологии никто не занимался. По его

словам, «большинство современных идеологий и политических программ опираются на довольно зыбкие представления об источниках человеческого счастья» [7. С. 511]. Счастье не только трудноопределимо, но и трудноизмеримо. Общепринятое понимание счастья — отмечает Харрари — «субъективное благосостояние». Но если это внутреннее ощущение, как же его измерить извне? Можно попробовать опрашивать людей об их субъективном самочувствии. Типичная анкета, оценивающая субъективное благополучие, предлагает участнику оценить по шкале от 0 до 10, насколько к нему применимы суждения: «Я доволен собой таким, каков я есть», «Я считаю свою жизнь очень удачной», «Жизнь хороша». Затем исследователь складывает баллы и вычисляет уровень удовлетворенности респондента [7. С. 516—517]. Интересно, кстати, отметить, что философия с простым пониманием счастья как субъективного самочувствия обычно не согласна (за исключением разве что гедонистических концепций, почти полностью оставшихся уже в истории). Так, с точки зрения известного философа и психолога Э. Фромма, «счастье и радость, будучи в определенном смысле субъективными переживаниями, являются результатом взаимодействия с объективными условиями и зависят от них, и их нельзя смешивать с простым субъективным переживанием удовольствия» [6. С. 199]. Счастье в его понимании — это «показатель того, что человек нашел ответ на проблему человеческого существования, а, значит, и единства с миром, и цельности своего Я» [6. С. 218].

Но, конечно, поднять до таких философских высот социологическое измерение усредненного коллективного счастья едва ли реально. Дать ответ, насколько человек сумел достичь счастья в этом высшем понимании, каждый человек, в общем-то, может лишь в сокровенном диалоге со своей душой.

Лингвистика может предложить в качестве инструмента измерения как коллективного, так и индивидуального восприятия счастья наблюдение за языком. По сравнению с социологическим анкетированием языковое наблюдение может быть даже более эффективным за счет того, что участник эксперимента может внести намеренные искажения в свои ответы, тогда как естественная речь не скована постановкой экспериментальных задач.

Проблема изучения культуроспецифичных концептов, однако, заключается в том, что анализ их языкового представления неизбежно будет нуждаться в поправках, привносимых особенностями

лексической семантики. В случае понятия счастья смысловое содержание, стоящее за русским словом счастье и английским happiness будет очевидно нетождественным. Как известно, А. Вежбицкая характеризует слово «happy» как слово в очень существенной степени повседневное. Согласно ее наблюдениям, «польское прилагательное, соответствующее «happy» (я полагаю — добавляет А. Вежбицкая — что это справедливо и для других славянских языков), имеет более узкое значение. Обычно оно употребляется для обозначения редких состояний полного блаженства или совершенного удовлетворения, получаемого от таких серьезных вещей, как любовь, семья, смысл жизни и т. п. Поэтому оно не используется столь широко, как «happy» в разговорной речи американцев. Если вопрос «*Is everybody happy?*» можно услышать на любой вечеринке, то польскую фразу, являющуюся его буквальным переводом, можно встретить разве что в метафизическом трактате или в политической утопии» [1. С. 340].

Можно согласиться с А. Вежбицкой, что сказанное действительно справедливо для других славянских языков, во всяком случае русское слово «счастье» определено сходно в этом отношении с семантикой польского аналога. В определении А. А. Зализняка, счастье — это не просто очень большая радость. Счастье представляет собой самостоятельный и очень важный для русской языковой картины мира концепт. В современном русском языке, отмечает исследователь, слово счастье имеет два основных класса употреблений:

1. [Диахронически первичное, уходящее]: ‘удачное стечение обстоятельств, везение’. Здесь слово счастье эквивалентно глаголу везет/повезло, который постепенно его вытесняет.
2. [Основное, «высокое», лингвоспецифичное]: ‘высшее удовлетворение, земное блаженство’ [2].

Следует отметить, что классические толковые словари русского языка помещают «высокое» измерение счастья именно на первое место:

— словарь Ожегова:

«Счастье, -я, ср. 1. **Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения.**

2. **Успех, удача.**»¹

— словарь Ушакова:

«Счастье, -я, ср. 1. **Состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от**

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. М.: ОНИКС-ЛИТ, Мир и Образование, 2012. 1376 с.

удовлетворения жизнью. То же, как воплощение чувства любви. 2. Успех, удача (преим. случайная). 3. Участь, доля, судьба (*прост.; обл.*)¹.

Английские дефиниции счастья, по сравнению с русскими, куда более прагматичны и обиходны:

The Oxford dictionary and Thesaurus:

“**Feeling or showing pleasure or contentment**”.

“1.1 Happy about — having a sense of trust and confidence in (a person, arrangement, or situation),

1.2 happy with — satisfied with the quality or standard of”².

Macmillan. English Dictionary:

“Feeling pleased and satisfied that something is good, and therefore not worried about it”³.

Нам представляется интересным проследить, каким образом семантическая специфика английского слова «happy» проявляет себя в современном политическом дискурсе. Мы попытаемся определить, что может показать это слово за пределами ситуативно-обиходного употребления. Ведь так или иначе политик, обращаясь к теме счастья, все равно будет вынужден апеллировать к этому слову, а значит будет связывать его с каким-то значимым для своей политической позиции содержанием. К поиску этого содержания мы и обратимся.

Материалы и методы исследования

В качестве источника нашего анализа была выбрана серия предвыборных выступлений Д. Трампа во время избирательной кампании 2020 года. В подборку вошли 36 его выступлений перед избирателями. Дискурс Трампа как иллюстрация семантики английского слова *happy* был выбран поскольку Трамп известен как политик, любящий публичность, яркую риторику, экспрессивный эффект. Он делает ставку на имидж открытого энергичного лидера, который предпочитает неопределенной дипломатичности простую и жесткую правду. От выступлений такого политика логично ожидать развитой концептуально и риторически реализации эмоционально окрашенных концептов. Отметим, что в анализе будут приведены примеры не с существительным *happiness*, а с прилагательным

¹ Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка: 100 000 слов. М.: Аделант, 2013. 800 с.

² Tulloch S. Oxford Dictionary and Thesaurus. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1997. 1754 p.

³ Rundell M. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. 2nd ed. London: Macmillan Publishers Ltd, 2007. 1748 p.

happy, по той причине, что в форме существительного ни одного случая употребления концепта зафиксировано не было.

Результаты исследования и их обсуждение

Безусловно, в выступлениях Д. Трампа вполне ожидаемо встречается много примеров использования *happy* в стандартном для английской речи обиходном обозначении эмоционального одобрения, выражения удовлетворения или радости:

— *That's great. I'm good. I'm **happy with that.***

— *Are you **happy with your choice?***

— *Am I supposed to be **happy with three up over this guy?***

— *You're **happy with Amy?***

Такая семантика *happy*, фактически совпадающая со значением слова *glad*, отчетливо видна в оппозиции к прилагательному *sad*:

— *I didn't know, was I supposed to be **happy** or was I supposed to be **sad?*** (D. Trump, rally speech; 26.10.20)

Использование конструкции *to be happy* часто является зеркально тождественным значению *to like, to be content with*:

— *Are you happy in the suburbs that I ended the regulation that was going to destroy the suburbs, that has destroyed the suburbs?* (D. Trump, rally speech; 2.11.20).

В то же время можно заметить, что нейтрализованная стандартным ситуативным употреблением семантика *happy* все же достаточно подвижна. Значение *happy* часто усиливается как сочетанием с наречиями, так и контекстуальным взаимодействием с прилагательными экспрессивной оценки:

— *They hugged and they kissed in the Oval Office and they were **so happy*** (D. Trump, rally speech; 25.10.20).

— *The only one I really cared about was me. So I was **very happy.***

— *I'll tell you what, when you hear that, I had a nice life. I had the **greatest** life. But you know what? I'm **so happy.** This was the **greatest** decision I ever made* (D. Trump, rally speech; 1.11.20).

Конечно, использование наречий *so* и *very* само по себе вполне шаблонно для разговорного стиля и формально ничем не отличается от таких же усиленных сочетаний «*so glad*» или «*very pleased*». Однако семантическое отличие все же создается тем, что в синонимической парах «*happy — glad*» и «*happy — pleased*» *happy* выражает более высокую степень силы эмоции. При всей стерто-сти значения за счет стандартной повседневной

гиперболизации, *happy* все равно стоит выше *glad* по шкале экспрессивности.

Во многих примерах использование *glad* вместо *happy* было бы заметно слабее не столько с точки зрения лексической стилистики, сколько с точки зрения политической прагматики:

— *I came in and immediately canceled it. I canceled it. I was so happy to cancel the TPP* (D. Trump, rally speech; 2.11.20).

Трампу за счет использования слова *happy* нужно было подчеркнуть, что он был не просто рад выйти из договора о Трансатлантическом партнерстве, но что это политическое событие воспринял как долгожданное и важное, и что он явно очень гордится своим решением.

— *But we drove in front of those people, and we waved, and the people were so happy... They were so happy* (D. Trump, rally speech; 29.10.20).

Аналогично, в этом примере *glad* всего лишь обозначило бы довольно банальную констатацию факта, что избиратели Трампа рады встрече с ним. Прилагательное *happy* заметно выгоднее передает смысл того, что Трамп заметил горячую поддержку, энтузиазм и восторженное настроение, которые очень старались продемонстрировать его преданные электоральные поклонники.

Трамп экспрессивен и как личность, и как политик. Для его стиля характерны акценты, усиления, градации, повторы. Слово *happy* за счет повторения получает стилистическое усиление своей семантики и одновременно становится своего рода маркером искренности говорящего, создавая впечатление неподдельной эмоциональной увлеченности. Оно вызывает ощущение экспромта, даже если им не является, а экспромт воспринимается аудиторией как подтверждение подлинности эмоций говорящего:

— *And I just noticed there happened to be a poll out, that came out last night, that has a very, very substantial margin. We're very happy with it. We're very happy with it, and we're very happy with Iowa, thank you very much Iowa* (D. Trump, rally speech; 1.11.20).

Надо отметить, что слово *happy* в отрицательных конструкциях, как правило, экспрессивно сильнее, чем в положительных констатациях. В этих случаях смысловым усилителем выступает сам логический контраст негативного контекста с положительной семантикой *happy*:

— *And big pharma does not like me too much. They are not so happy with me* (D. Trump, rally speech; 2.11.20).

— *They want you to live on socialized medicine. I don't think you'll be too happy* (D. Trump, rally speech; 31.10.20).

Трамп прекрасно чувствует, что его слова получают более сильный эмоциональный отклик, если он скажет, что его недоброжелатели «не очень-то счастливы» иметь с ним дело, нежели просто констатировать, что они его не любят. Использование *happy* в отрицательных структурах легко и органично становится стилистическим приемом преуменьшения, не вызывая отторжения аудитории даже в тех случаях, когда стилистически обыгрывает довольно острые политические контексты, как, например, справедливую (по мнению Д. Трампа) отрицательную реакцию американцев на наплыв иммигрантов.

— *Tens of billions of people flood into our country. You're not going to be too happy in North Carolina* (D. Trump, rally speech; 24.10.20).

Преуменьшение через отрицательные конструкции со словом *happy* Трамп активно использует и для выражения критики и неодобрения по отношению к конкурентам:

— *I ended the NAFTA nightmare and replaced it with a brand new USMCA. Just kicked in. It just kicked in. You know how I know it's good? Because Mexico and Canada aren't so happy* (D. Trump, rally speech; 30.10.20)

— *It was so good for Canada and so good for Mexico. And they have a lot of power, but we ended it. And they're not that happy, but they're happy enough* (D. Trump, rally speech; 2.11.20).

— *And USMCA just kicked in and it's incredible for our country, less for their countries, but that's okay. They're happy sort of. Not too happy* (D. Trump, rally speech; 26.10.20).

Эти примеры иллюстрируют отношение Трампа к договору о Североамериканской зоне свободной торговли, оказавшегося более выгодным Канаде и Мексике, чем самим США из-за большого оттока американского капитала и производств в эти страны. Трамп занял жесткую позицию по выходу из этого договора и замене его на менее выгодное Канаде и Мексике соглашение USMCA. Во всех трех примерах *not happy* соответствует русскому «не очень-то рады», «не слишком довольны», но в английском использование *happy* делает высказывания более экспрессивными в силу уже упомянутого наличия семантически неравновесной синонимической пары «*happy — glad*».

Стилистически усиленное *happy* Трамп вполне эффективно применяет и для обозначения

саркастической критики по отношению к политическим противникам:

— *So they said, “Oh, it looks like it’s going to be a rough time for Trump”. And they were **happy as hell*** (D. Trump, rally speech; 31.10.20).

Утверждение, что противники Трампа были чертовски рады (= счастливы) трудным для него временам звучит выразительно и ярко за счет гиперболического определения, создающего юмористический эффект. Трампу как опытному бизнесмену и политику прекрасно известно, что юмористическая характеристика противника часто действует сильнее агрессивной риторики. Шутить про противника может тот, кто сохраняет самообладание, поскольку вместо страха чувствует над врагом превосходство.

В критической риторике Трампа *happy* успешно проявляет свою выразительную силу и с отрицательной приставкой:

— *He does very short speeches, very short, they’re the shortest speeches I’ve ever seen, actually. He just wants to go home to the basement. He is the **most unhappy warrior** I’ve ever seen. (about Biden)* (D. Trump, rally speech; 1.11.20).

Негативные характеристики для своего соперника на выборах Дж. Байдена Трамп оформляет в типичной для себя стилистике кратких повторов и градаций (*very short speeches, very short, they’re the shortest speeches*). Завершающая серию острых выпадов фраза «*He is the **most unhappy warrior***» звучит как сильный итоговый вердикт, в снисходительном стиле определяющий Дж. Байдена как неудачника в роли политического бойца.

Тем не менее практически все приведенные выше примеры демонстрируют хоть и стилистически усиленное, но ординарное и обиходное значение *happy*. Эта стилистика позволяет Трампу придать политическим оценкам соответствующие его имиджу яркость и экспрессию. Но с концептуальной точки зрения еще больший интерес представляют те высказывания, в которых семантика *happy* получает раскрытие в контекстуальной привязке, показывающей, в каких условиях *happy* проявляет себя как долговременная характеристика человека и групп людей. Очевидно, что в этом случае семантика *happy* будет неизбежно выходить за узкие границы значения удовлетворения и радости в состоянии «здесь и сейчас». Так или иначе слово *happy* должно в каких-то контекстах обозначать и внутреннее ощущение, аналогичное русскому *счастье* или (согласно А. Вежбицкой) сходными с ним немецким *glücklich* и французским *heureux*.

Happy просто вынуждено проявлять себя не только ситуативно и обиходно, потому что в английском нет никакого другого слова для обозначения чувства высшей удовлетворенности жизнью в целом, чувства полноты своего существования и гармонии своего внутреннего мира с внешней реальностью. Если, исходя из узких словарных дефиниций, предположить, что в английской языковой картине мира семантика *happy* исключительно повседневна и прагматична, тогда пришлось бы сделать фундаментальный вывод, что носителям английского языка перечисленные высшие уровни душевных переживаний либо недоступны вовсе, либо настолько малоинтересны, что они не дали себе труда обозначить свои чувства в простой однословной форме.

Разумеется, от дискурса политических выступлений нельзя требовать концептуальной глубины философских обобщений, однако мотивировка характеристик, необходимых человеку и обществу для долговременно переживания чувства *happy* должна присутствовать и в политике. Политик, не обозначающий для своей аудитории хотя бы какой-то образ счастливого будущего и не дающий понять, что он относит к счастливым и несчастливым параметрам настоящего, рискует много потерять в убедительности и политических симпатиях.

Конечно, в высказываниях Трампа *happy* как долговременная характеристика встречается нечасто. Одной из причин этой особенности должно быть отмеченное ранее опасение политиков по поводу массового тиражирования в СМИ неосторожно высказанных обещаний. Обещание счастья определено является одним из наиболее рискованных заявлений, почти гарантирующих его невыполнение в случае сколько-нибудь завышенных формулировок. По-видимому, во многом именно по этой причине характеристики, ассоциируемые со счастьем или его отсутствием, в политических выступлениях Трампа достаточно просты и призваны найти понимание у максимально широкой аудитории.

Так, политически выгодным является простое и очевидное сравнение США и Канады с Мексикой, являющихся торговыми партнерами США, которые при этом, по мнению Трампа, получали несправедливо большую выгоду от этого партнерства:

— *Mexico, Canada. And by the way, just kicked in. The difference is unbelievable. You know how I know it’s good? Because those two countries **aren’t quite as happy as we are*** (D. Trump, rally speech; 24.10.20).

В этом примере речь уже идет не просто о том, что Америка должна быть довольна пересмотром торговых соглашений. Тезис Трампа сформулирован категоричнее: «хорошо, когда наши конкуренты менее счастливы, чем мы». Логично предположить, что такое положение дел должно восприниматься как долгосрочное, поскольку США должны и впредь неизменно получать больше выгоды по сравнению с партнерами.

Типичным для выступлений Трампа и очевидным для избирателей является ассоциирование долговременного состояния *happy* с высоким уровнем благосостояния, финансирования, развитости экономики:

— *But we took 28 billion dollars and we gave it to the farmers. And that's why you're all here, and that's why you're all happy... We got 28 billion dollars for our farmers, and I'm very happy about it, and so are they* (D. Trump, rally speech; 1.11.20)

— *...a billion dollars that we divided among all of these great farmers. And we have a lot of happy people out there, and we're in that position where we made a great deal, but the bad part is what happened after the deal was made.*

— *We invested \$2.5 trillion in the U.S. military, and maybe almost as important, defense spending in North Carolina, as you know very well. You're all sitting there, very happy, very rich. ... Lot of stuff built right here, made in the U.S.A., all of it, made in the U.S.A. A lot made in North Carolina* (D. Trump, rally speech; 3.11.20).

Для Трампа в общем-то универсальная политическая идея коллективного материального счастья имеет особое значение. Его политическая стратегия — приоритет развития страны с опорой на внутренние факторы, главенство национальных экономических интересов, ориентация усилий на протекционизм и подъем национального капитала. Трампу поэтому важно подчеркнуть, что производство внутри страны (*Lot of stuff built right here, made in the U.S.A.*), что приоритетное финансирование собственного сельского хозяйства в противовес закупкам более дешевого продовольствия за границей (*we took 28 billion dollars and we gave it to the farmers*), что инвестиции в развивающую технологичную экономику оборонную промышленность (*We invested \$2.5 trillion in the U.S. military*) — все это ключ к общему национальному счастью. Характерно и политически правильно то, что Трамп стремится увязать достигаемое таким образом счастье для всех с собственным счастливым состоянием — *and (I'm very happy about it, and so are they)*.

Конечно, особое, повышенное состояние *happy* кандидат на президентский пост не может не приписать и тем, кто сумел понять, что голосовать нужно именно за Трампа:

— *He won two national championships, but you know I didn't really know, but he said, no, he had it. ...And he said, "The thing that makes me happiest, because I want to vote on November 3rd for President Trump"* (D. Trump, rally speech; 23.10.20).

В таких примерах проявляется совершенно логичный политический прагматизм — плох тот политик, если он не дает понять, что его избрание уже само по себе будет благом. И напротив, отказ проголосовать (за Трампа, конечно) сделает достижение счастья невозможным:

— *If you don't vote, you're going to be very unhappy because your country will never be the same* (D. Trump, rally speech; 24.10.20).

Отрицательные обоснования счастья вообще представляют собой довольно оригинальный политический ход. Описывая параметры несчастливого состояния (как правило, конкурентов и противников) политик косвенно обозначает то, что он считает счастьем, благодаря импликации противоположности описываемому:

— *Yeah, Iran is unhappy. Hezbollah is unhappy. Hamas is unhappy, but. They should be because peace is a group thing. It's a very good thing. ...They're also poor. Iran is poor. Hamas is poor. They're all poor.* (D. Trump, rally speech; 4.11.20).

Иран, Хезболла, Хамас несчастливы, и несчастливы они прежде всего потому, что противники США счастливы быть не могут. Подразумевается, что счастливы, причем очень (*most everybody else is very happy*), те, кто за мир. За мир в понимании Трампа, потому что Хезболла и Хамас тоже позиционируют себя как борцы за мир, а Иран и вовсе за последние 30 лет ни с кем не воевал (в отличие от США).

Наконец, важны для политика и формулировки того, что он считает счастьем лично для себя. Но даже собственное счастье политика в идеале должно быть таким, чтобы оно отражало благо для его страны. Трамп, говоря о своем первом президентском сроке, уверенно проводит такую параллель. Он счастлив тем, что он сделал для своей страны — помощь собственной экономике, обороне, сокращение налогов и т. д.:

— *But you know I'm happy, you know why? No administration, no president has done anything near what we've done in the first three and a half years. How about it? We're helping our country. We're rebuilding our military. It's rebuilt. Two and a half*

trillion dollars. We've cut your taxes (D. Trump, rally speech; 1.11.20).

В противопоставлении себя президенту Б. Обаме Трамп стремится показать, что счастье — это когда президент любит работать больше, чем отдыхать и когда он находит удовольствие в политической борьбе:

— *We have a president who doesn't fight. He goes out and plays golf all the time. If you love what you do, you don't take vacations. You're happy. I love working. I'm not a vacation guy, like Obama* [14].

Заключение

Примечательно то, что в задачи нашего краткого анализа входило сравнение реализации семантики *happy* в успешных избирательных кампаниях двух президентов — Трампа и Байдена. Но удивительным образом обнаружилось, что семантику *happy* в выступлениях Байдена анализировать не представляется возможным — за почти полным отсутствием использования слова *happy*. В двух десятках предвыборных речей Байден применил слово *happy* дважды, оба раза в этикетных клише. Байден ни разу не сказал, что он рад или счастлив, с помощью слова *happy* в победной речи после состоявшихся выборов. Ни разу во время инаугура-

ции. Ни разу в помпезно озаглавленных обращениях к избирателям вроде «Битва за душу нации», по своему жанру предполагающих экспрессию и возвышенную риторику.

Мы полагаем, что дело не только в том, что Байден как личность довольно чужд экспрессии и возвышенной риторики. По-видимому, для того, чтобы прагматически правильно говорить о счастье в политике, нужна еще и особого рода смелость. Смелость политическая, проявляющаяся в смелости коммуникации. Судя по всему, одного лишь политического опыта для этого мало. Контраст между дискурсом Трампа и Байдена — это контраст стратегий и политических перспектив. Трамп не боится эмоциональной открытости и сильных оценок, для которых семантика слова *happy* оказывается очень эффективна и убедительна. Его образ счастья получает вполне определенные концептуальные контуры, в которых Трамп чувствует себя уверенно сам и транслирует эту уверенность аудитории. В то же время осторожность и уравновешенность Байдена оказываются несовместимы с потенциалом семантики *happy* до такой степени, что даже обиходно-ситуативные употребления этого слова обходятся стороной.

Список источников

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
2. Зализняк А. А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1 (5). С. 85—105.
3. Салимова Р. М. Постбрексит-парадокс // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7 (441). С. 131—137.
4. Фромм Э. Человек для себя. М.: Коллегиум, 1992. 321 с.
5. Харари Ю. SAPIENS. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2021. 520 с.
6. Чанышева З. З. Лингвистика постправды как новое направление в политической лингвистике // Теория и практика языковой коммуникации: материалы X Междунар. науч.-метод. конф. Уфа: Уфим. гос. авиац. тех. ун-т, 2018. С. 307—313.
7. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: моногр. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
8. URL: <https://www.rev.com/blog/transcript-category/donald-trump-transcripts> (дата обращения: 08.09.2022).
9. URL: <https://www.rev.com/blog/transcript-tag/joe-biden-transcripts> (дата обращения: 09.09.2022).
10. URL: <https://www.msnbc.com/transcripts/hardball/2017-08-04-msna1010716> (дата обращения: 06.09.2022).

References

1. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Cognition. Moscow; 1996. 416 p. (In Russ.).
2. Zaliznyak AA. Happiness and pleasure in the Russian language picture of the world. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* = *Happiness and delight in Russian language worldview*. 2003;(1(5):85-105. (In Russ.).
3. Salimova RM. Postbexit paradox. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020;(7(441):131-137 (In Russ.).

4. Fromm E. *Chelovek dlya sebya = Man for himself*. Moscow; 1992. 321 p. (In Russ.).
5. Harari Yu. *SAPIENS. Kratkaya istoriya chelovechestva = Short history of mankind*. Moscow; 2021. 520 p. (In Russ.).
6. Chanysheva ZZ. Linguistics of posttruth as new branch of political linguistics. In: *Theory and practice of language communication = Theory and practice of translation*. Ufa: Ufa State Aviation Technical University; 2018. Pp. 307—313. (In Russ.).
7. Chudinov AP. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii = Metaphoric mosaic of Russian political communication*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2003. 248 p. (In Russ.).
8. Available from: <https://www.rev.com/blog/transcript-category/donald-trump-transcripts> (accessed: 08.09.2022)
9. Available from: <https://www.rev.com/blog/transcript-tag/joe-biden-transcripts> (accessed: 9.09.2022)
10. Available from: <https://www.msnbc.com/transcripts/hardball/2017-08-04-msna1010716> (accessed: 06.09.2022)

Информация об авторах

А. М. Погорелко — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации.

Т. Н. Герасина — старший преподаватель кафедры инновационных технологий языковой коммуникации.

Information about the authors

Alexandr M. Pogorelko — associate professor of the Chair of English Language and Intercultural Communication, Faculty of Romance and Germanic philology.

Tatyana N. Gerasina — senior lecturer at the Chair of Language Communication Innovation Technologies.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 23.09.2022; approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: Both authors have made equally contribution to this article.

The authors declare no conflicts of interests.